
Г. М. ПРОХОРОВ

Дионисий Ареопагит по-славянски:

История открытия и публикации автографа переводчика

Знаменитый Корпус сочинений Дионисия Ареопагита, содержащий книги «О небесной иерархии», «О божественных именах», «О церковной иерархии» и «О мистическом богословии», а также десять посланий разным лицам, стал известен в Византии в VI в.: в 532 г. на поместном соборе в Константинополе североанатолийцы (умеренные монофизиты), споря с православными, сослались на эти сочинения и предъявили их им. Не все в Византии поверили в их подлинность, и с тех пор по наши дни неотвязный их спутник — сомнение в том, что составляющие Корпус произведения написаны упомянутым в книге Деяний апостолов (17, 34) учеником апостола Павла. На сомнения скептиков начали отвечать в Византии уже в VI в., но только в VII в. решительно преодолел их преп. Максим Исповедник, сопроводив все сочинения Ареопагита собранными им и своими толкованиями-комментариями, которые с тех пор стали важной неотъемлемой частью Корпуса. В VI в. Корпус был переведен на сирийский язык. В VIII в., уже с толкованиями, Корпус был переведен на арабский, армянский (в 718 г.) и еще раз на сирийский; в IX в. на коптский и латинский языки (в 835 и 860 г.). На латынь Ареопагит переводился после этого многократно. И множество выдающихся мыслителей Востока и Запада очень высоко ценили сочинения Ареопагита. В их числе — просветитель славян Кирилл (Константин), брат Мефодия. Лично знавший и слышавший его в Риме Анастасий Библиотекарь, посылая в марте 875 г. Корпус в латинском переводе Иоанна Скота Эриугены императору Карлу Лысому, в сопроводительном письме писал, что Кирилл публично хвалил сочинения Ареопагита и рекомендовал их римлянам как оружие для борьбы с ересями: «Наконец, великий муж и учитель апостольской жизни Константин Философ, который при священной памяти папе Адриане II прибыл в Рим и возвратил тело св. Климента на свое место, вверил памяти <memoriae commendaverat — переписал?> весь кодекс часто упоминаемого и заслуживающего упоминания отца и указывал слушателям, сколь полезно его содержание; он обыкновенно говорил, что если бы святые, а именно первые наши наставники, которые с трудом и как бы дубиной обезглавливали еретиков, располагали написанным Дионисием, то, без сомнения, они рубили бы их острым мечом; и он постоянно повторял, что тогда они значительно легче, действенной или быстрее — ведь слово „оу“ означает

как „способный“, так и „быстрый“ — заставили бы замолчать тех, чьи рты они заграждали с большим трудом и значительно медленней».¹

В конце XI в. Корпус сочинений Ареопагита с толкованиями Максима Исповедника был переведен на грузинский язык. И до XIV в. в христианской ойкумене единственным, не имевшим этих сочинений на своем языке оставался славянский мир. Побудили сделать перевод Ареопагитского корпуса на славянский, несомненно, так называемые исихастские споры, происшедшие в Византии в этом веке и послужившие толчком к Православному возрождению как в Византии, так и в славянских странах.

Дело в том, что и Варлаам Калабрийский, обвинявший в ереси борцов со страстями, созерцателей, мистиков, монахов-исихастов, и их защитник святой Григорий Палама едва ли не чаще всего ссылались в подкрепление своих взглядов именно на тексты Дионисия Ареопагита. Общественный интерес к этим спорам был очень велик. Естественно, что тогда значительно вырос общественный интерес и к Ареопагиту, и ко всей монашеской исихастской литературе. Русская книжность за столетие с середины XIV в. по середину XV в. существенно обогатилась в своем составе сделанными тогда на Балканах переводами с греческого на славянский этой литературы. В 1371 г. сербский инок Исая закончил свой — первый славянский! — перевод Ареопагитского корпуса. До начала XV в. он стал известен на Руси и активно переписывался здесь по XVII в.

Взявшись проследить славянскую, в основном, как оказалось, русскую, рукописную традицию Корпуса сочинений Дионисия Ареопагита, я обнаружил, что она существует на Руси в двух видах, условно говоря, в московском и новгородском. Оказалось также, что независимо друг от друга они отражают индивидуальные черты одной рукописи.

Надо здесь сказать о размещении на страницах списков Корпуса, греческих и славянских, текста Ареопагита и комментариев-толкований к нему, которыми его снабдил Максим Исповедник. У греков толкования обычно написаны мельче основного текста и помещаются параллельно ему с внешнего края страницы, а иногда обрамляют его с трех сторон — сверху, сбоку и снизу. Толкования пронумерованы, и нумерация их начинается каждый раз заново на обороте листов, на каждом новом развороте. Естественно, что список от списка отличаются группировкой толкований на разворотах страниц — где-то их оказывается больше, где-то меньше — в зависимости от «емкости» почерка писца и его умения компоновать взаимосвязанные тексты.

Редкие из славянских списков Ареопагита — только некоторые южнославянские — следуют этой греческой манере. Русские писцы пишут основной текст и его толкования письмом одной величины в одном общем рабочем пространстве страницы, чередуя их и помечая на полях начало основного текста словом «сущее», а начало группы комментариев словом «толк». Группы толкований-комментариев по величине, по их количеству, разумеется, различны. Ясно, что каждая группа располагалась на каком-то одном развороте листов в списке-протографе, написанном в соответствии с греческой традицией.

---

¹ Monumenta Germaniae Historicae. Epistolarum tomus VII. Karolini aevi V. Berlin, 1928. P. 433. Цитирую здесь по статье: Goltz H. Notizien zur Traditionsgeschichte des Corpus areopagiticum slavorum // Byzanz in der europaischen Statenwelt. Berlin, 1983. S. 138.

Каково же было мое удивление, когда я увидел, что группировка толкований в «новгородской» традиции точно отражает их поразворотное размещение в сербской рукописи № 46 из собрания А. Ф. Гильфердинга Российской Национальной (Публичной) библиотеки в Санкт-Петербурге (далее — Гильф. 46). А в «московской» традиции, оказалось, пропущен в толкованиях кусочек текста, составляющий точно одну строку той же Гильф. 46, оканчивающуюся одинаково с соседней (глаз переписчика поэтому «перепрыгнул» одну строку). Я написал тогда статью со знаком вопроса: «Автограф старца Исайи?».² Почти четверть века спустя прочел доклад с тем же названием, но уже без знака вопроса.³

Список сочинений Дионисия Ареопажита, Гильф. 46, был в числе рукописных книг, подобранных с пола в разрушенном турками монастыре св. Михаила в Колашине (Герцеговина) русским дипломатом ученым-славистом А. Ф. Гильфердингом в 1857 г. Вернувшись в Россию, он подарил собранную им коллекцию сербских рукописей XIII—XVII вв. русскому императору, а тот поместил ее в Публичной библиотеке в Петербурге. Сам Гильфердинг считал этот список сочинений Дионисия Ареопажита относящимся к XV в. Альбомы филиграней, по которым можно было бы приблизительно датировать недатированную писцом рукопись, тогда еще не были напечатаны.

Далее цитирую Д. О. Цыпкина, занимавшегося кодикологическим исследованием рукописи:⁴ «...крупнейший знаток южнославянской рукописной книжности — археограф, палеограф и филиграновед — В. И. Мошин в 1962 г. в статье „О периодизации русско-южнославянских связей“ (*Mošin V. O periodizaciji rusko-južnoslavenskih veza // Slovo. Zagreb, 1962. № 11—12. S. 13 — 130*) предполагал, что она может являться автографом самого Исайи».⁵ Однако исследователь биографии и творчества старца Исайи Дж. Трифунович в 1980 г. оспорил это предположение на том основании, что выделил в кодексе (без каких-либо специальных пояснений) работу двух, а возможно, и трех «рук», однако не исключая того, что одна из них может быть рукой самого старца Исайи.⁶ О том, что «рукопись написана двумя разнотипными почерками» говорит и В. В. Иткин в работе 1999 г.⁷

Дело в том, что рукопись Гильф. 46 не вся написана одинаково: некоторые ее тетради исписаны, можно сказать, небрежней, чем остальные тетради, составляющие большую часть книги. Даже принцип размещения толкований относительно основного текста в этих тетрадях другой: они помещаются не

² Прохоров Г. М. Автограф старца Исайи? // Русская литература. 1980. № 41. С. 83—85.

³ Прохоров Г. М. Автограф старца Исайи // Преводите през XIV столетие на Балканите : Докл. от Междунар. конф. София, 26—28 юни 2003. София, 2004. С. 309—314.

⁴ Цыпкин Д. О. Формирование кодекса // *Das Corpus des Dionysios Areopagites in der slavischen Übersetzung von Starec Isaija (14 Jahrhundert) / Unter der Leitung H. Goltz, G. M. Prochorov; Hrsg. S. Fahl, J. Hamey, D. Fahl. Bd. 5: Untersuchungen (= Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes LXI/LV, 5) / Hrsg. S. Fahl, D. Fahl. Freiburg i Br., 2013. S. 28.*

⁵ Трифунович Дж. Писац и преводилац инок Исаяја. Крушевац, 1970. С. 34—38.

⁶ Ibid. С. 39.

⁷ Иткин В. В. О некоторых особенностях структуры древнейшего славянского списка корпуса сочинений Дионисия Ареопажита : (К вопросу о формировании структуры памятника) // Опыты по источниковедению : Древнерусская книжность: археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 60.

рядом с толкуемым текстом, как в большей части книги, а после него. В своем кодикологическом исследовании рукописи Д. О. Цыпкин показал, что это разные *манеры* письма *одного* человека. И он восстановил ход его работы над книгой.

Почему же Д. О. Цыпкин, как и целый ряд других исследователей, занялись внимательным изучением этой рукописной книги?

В 1978 г. по моему заказу был изготовлен микрофильм рукописи Гильф. 46. (Это оказалось очень удачно, потому что вскоре в библиотеке была принята «реставрация» этой рукописи, в результате которой были срезаны, пропали, некоторые ее маргиналии, заметки переводчика на полях, а часть основного текста почему-то замазана каким-то химическим веществом, сделавшим ее нечитаемой.) Этим микрофильмом, сделав с него копию, я поделился с моим немецким коллегой проф. Германом Гольцем, занимавшимся историей Ареопагитик у славян, рассказав ему при этом и свои соображения о том, что представляет собой эта рукопись. Проф. Герман Гольц сумел получить грант на ее фототипическое издание, найти замечательных тружеников в Берлине для его осуществления, Сабину и Дитера Фаль (Sabine und Dieter Fahl), и работа закипела. К настоящему времени вышло в свет в 2010—2013 гг. в издательстве Вайера во Фрайбурге (Weiher-Freiburg i. Br.) в серии Monumenta linguae slavicae (LV) в пяти томах это издание, редакторами которого числимся мы с покойным уже Германом Гольцем.⁸ Первый том (2010) представляет собой фототипическое факсимильное воспроизведение рукописи Гильф. 46, осуществленное по моему микрофильму, во втором томе (2011) — наборный ее текст, в третьем (2011) — восстановленный греческий оригинал, с которым работал переводчик, в четвертом, состоящим из трех книг (2012) — словари-индексы: славяно-греческий, греко-славянский и славянский по окончаниям слов; последний, пятый том содержит научные исследования Гильф. 46. В этот том входят кодикологические исследования М. А. Шибаева и Д. О. Цыпкина.

М. А. Шибаев внимательнейшим образом описал рукопись и показал на кодикологической схеме, из каких тетрадей она состоит, а исследовав водяные знаки ее бумаги, пришел к такому выводу относительно времени и места ее

⁸ Das Corpus des Dionysios Areopagites in der slavischen Übersetzung von Starez Isaija (14. Jahrhundert) (Дионисий Ареопагит в славянском переводе старца Исаии) (XIV век) / Hrsg. unter der Leitung Herman Goltz (Theologische Fakultät der Martin-Luther-Universität, Halle—Wittenberg), Gelian Michajlovič Prochorov (Institut für Russische Literatur (Puškin-Haus), Russische Akademie der Wissenschaften, St. Petersburg) (Издано под руководством Германа Гольца (Богословский факультет Университета им. Мартина Лютера, Галле—Виттенберг), Гелиана Михайловича Прохорова (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, С.-Петербург)). Bd. 1: Faksimile der Handschrift nr. 46 aus der Sammlung A. F. Hilferding der Russischen Nationalbibliothek (Факсимильное издание рукописи Российской Национальной библиотеки, собрание А. Ф. Гильфердинга, № 46 / Hrsg. Sabine Fahl, Dieter Fahl, unter Mitarbeit von Kirsten Schaper (Издание подготовили Сабина Фаль и Дитер Фаль при содействии Кирстен Шапер). Weiher-Freiburg i. Br. In Zusammenarbeit mit der Russischen Nationalbibliothek St. Petersburg, 2010. Bd. 2, 2-й том, содержащий Textausgabe (Наборный текст этой рукописи), вышел в 2011 г. Bd. 3, 3-й том, в котором находится Rekonstruktion der griechischen Übersetzungsvorlage (Реконструкция переведенного греческого текста), вышел в свет тоже в 2011 г. 4-й том вышел в трех книгах: Bd. 4.1, 4.2, 4.3. Indices... Словари / Hrsg. Sabine Fahl, Jutta Harney, Dieter Fahl, unter Mitarbeit von I. V. Christov, G. Sturm, K. Schaper (Издание подготовили Сабина Фаль, Ютта Харнай, Дитер Фаль при содействии И. В. Христова, Г. Штурма, К. Шапер). 2012. 5-й том: Untersuchungen (Исследования), вышел в свет в 2013 г.

производства: «Анализ всех трех типов водяных знаков позволяет сделать вывод, что помимо традиционного региона распространения бумаги (Италия, юг Франции) все три филигрны зафиксированы в сербских кириллических рукописях того времени. Подавляющее большинство знаков встречается в документах конца 60-х—начала 70-х гг. XIV в., что делает возможным вывод о создании рукописи Гильф. 46 в это же время. Чем можно объяснить попадание в центр кодекса бумаги со знаками „Грифон“ и „Литера В“, встретившимися только в одной тетради? Единственным объяснением появления бумаги с филигранями „Грифон“ и „Литера В“ в рукописи, на наш взгляд, может служить следующее. Писец работал не в том же месте, где хранилась бумага с филигранью „Василиск“. Он брал (или получал) оттуда количество листов, необходимое для написания какого-то небольшого объема текста, а работал с ними в каком-то другом месте. Когда однажды ему не хватило расчетного количества листов, он воспользовался теми листами, которые у него были под рукой «на рабочем месте» (бумага с филигранями «Грифон» и «Литера В»). В этой связи необходимо отметить, что характер бумажного массива нашей рукописи — самостоятельная, безтрафаретная разлиновка листов, единоличная переписка текста — все позволяет говорить о том, что это сугубо индивидуальная работа одного человека, находящегося на „материальном довольствии“ при какой-то крупной канцелярии.⁹ Такой подход заставляет нас с очень большой осторожностью относиться к использованию для локализации нашей рукописи по месту производства бумаги с филигранями „Василиск“ (по альбомным данным), но делает еще более значимыми для этой цели данные филиграней „Грифон“ и „Литера В“. Филигрань „Литера В“ не имеет четкой региональной локализации, и мы не можем с большой долей уверенности говорить о месте производства рукописи на основании этого знака. Относительно другой филигрны „Грифон“ отметим, что помимо севера Италии (г. Лукка) зафиксировано достаточно большое присутствие бумаги с этим знаком в хиландарских рукописях. Это может означать, что наиболее вероятным местом труда писца рукописи Гильф. 46 являлся Афон. Вероятно, в какой-то момент работы над написанием книги (тетрадь № 23), как мы отмечали выше, у него закончился материал для письма (бумага с филигранью «Василиск»), и, чтобы не останавливать работу в ожидании очередной партии бумаги, он воспользовался бумагой из местных запасов».¹⁰

Д. О. Цыпкин, проведя анализ разных видов письма в этой рукописи, пришел к убедительному выводу, что «почерковый материал позволяет говорить только о работе одного человека, владеющего разными манерами письма». Причем манера письма первых четырех тетрадей, заметил он, заставляет думать, что писались они, когда работа над книгой в целом близилась к концу. О том, что эти тетради заместили тетради, первоначально бывшие на их месте, говорит тот факт, что начиная с пятой тетради их нумерация изменялась писцом, увеличивалась на единицу (Д. О. Цыпкин это ясно показывает) по сороковую тетрадь включительно, а дальше нумерация не правилась (всего

⁹ Как мы предполагаем, Исаяя мог находиться на «довольствии» и получал основной запас бумаги с филигранью «Василиск» из канцелярии Серрского митрополита (см. статью Д. О. Цыпкина и М. А. Шибаяева в 5-м томе).

¹⁰ Шибаяев М. А. Датировка и локализация производства рукописи // Das Corpus des Dionysios Areopagites in der slavischen Übersetzung... Bd. 5. S. 26—27.

в рукописи 44 тетради). «Создается впечатление, — пишет Д. О. Цыпкин, — что по мере написания книги у писца изменялось отношение к своей работе, и соответственно этому менялся взгляд на характер рукописи. Если в начале, возможно, предполагалось создание своего рода „промежуточного“ («чернового») варианта, то потом было решено придать книге гораздо более „парадный“ («чистой») вид. Логично предположить, что именно с этим и связана замена первых тетрадей. Из начала рукописи были удалены листы с низким качеством исполнения и на их место встали гораздо более „парадные“».¹¹ Д. О. Цыпкину удалось даже посчитать, сколько раз создатель рукописи, писец Гильф. 46, садился за свою работу. Дело в том, что перед ее началом он разводил чернильный порошок в воде, и поначалу написанное им оказывалось бледнее написанного перед этим. По ходу же работы цвет чернил густел и бледные чернила следующего этапа работы опять контрастировали с концом предыдущего.¹²

Вероятно, в момент переделки, замены первых тетрадей книги, когда работа над ней уже близилась к концу, ее создатель написал к ней предисловие. В рукописи Гильф. 46 оно не сохранилось, утрачено. Поэтому в ее фототипическом издании оно воспроизведено по другому списку. Д. О. Цыпкин сопоставил свои кодикологические наблюдения с тем, что пишет о своей работе переводчик: «...в Предисловии говорится о поражении деспота Углеши и короля Вукашина от турок. Речь идет о битве на р. Марице 26 сентября 1371 г. Если исходить из того, что рукопись Гильф. 46 — автограф Исайи, то, из расчета писцовых „уроков“, зная приблизительное время работы по ее написанию (предположительно около 3 месяцев), мы можем попытаться определить примерный период, на который приходилось ее создание. Это период с конца июня по конец декабря 1371 года (26 сентября 1371 г. + 3 месяца).¹³ В Предисловии сказано, что после турецкого нашествия наступил сильный голод и волки часто нападали на людей («волци нощию дению нападаючи»¹⁴). <...> Если учесть, что декабрь — январь является наиболее холодным периодом года для этих территорий (например, по данным для г. Пловдива: -0.5° — -2°), то, исходя из наших расчетов, можно предположить, что Предисловие писалось в районе декабря месяца 1371 г. В его тексте мы находим подтверждение этим расчетам: в 1371 г. со смертью Стефана Уроша V, умершего бездетным, прекратилась правящая сербская династия Неманичей. Смерть Стефана Уроша пришлось на декабрь 1371 г., а в Предисловии читаем, что „в то бо время и племя сер’бьских господь ... конец приать“.

Если сопоставить версию о завершении написания рукописи Гильф. 46 в декабре 1371 г. с нашим предварительным расчетом подневной работы писца кодекса и при этом исходить из того, что Предисловие (как и первые тетради) писалось после окончания работы над книгой „О мистическом богословии“ (а также учесть утраченные листы), то получится следующий результат. Начало работы над рукописью придется приблизительно на начало/первую половину сентября 1371 г. («в добра убо времна»); тогда переход от „чернового“

¹¹ Цыпкин Д. О. Формирование кодекса // Ibid. Bd. 5. S. 51.

¹² Ibid. S. 52—55.

¹³ Шибяев М. А. Датировка и локализация производства рукописи // Ibid. S. 26—27.

¹⁴ Ibid. T. 1. S. 2; ср.: Ангелов Б. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967. Кн. 2. С. 160.

оформления текста к „беловому“ (т. е. перенос схолий на поля) „ляжет“ на конец сентября. Возникает вопрос: не поражение ли сербских войск на р. Марице (23 сентября 1371 г.) и его „эсхатологические“ последствия побудили писца нашей рукописи перейти от работы над „черновым“ вариантом сразу же к написанию „беловика“ в рамках одной и той же рукописи. Возможно, трагедия заставила его убыстрить свою работу над завершением славянского перевода Творений свят. Дионисия Ареопагита. На то, что с завершением работы наш писец торопился, видимо, указывает и то, что не все „черновые“ тетради в начале рукописи были заменены: две с половиной остались в первоначальном виде (5-я, 6-я и половина 7-й).

Эти сопоставления сообщений Предисловия Исайи с кодикологическими наблюдениями, как нам кажется, позволяют им обрести свой „голос“ — „заговорить“ живыми словами старца Исайи.¹⁵

Таким образом, наблюдения кодикологов, проясненные «живыми словами старца Исайи», восстанавливают перед нами трагическую картину обстоятельств создания героическим трудом старца Исайи первого славянского списка с первым славянским переводом Корпуса сочинений святителя Дионисия Ареопагита с толкованиями Максима Исповедника. Автограф старца Исайи, тоже переживший свою трагическую судьбу, теперь — слава Богу! — оказывается внимательно исследованным и прекрасно представленным вниманию всех, кто интересуется историей православной христианской культуры, значительно обогащая наше представление о ее тем самым продлеваемой жизни.

---

¹⁵ Цыпкин Д. О., Шубаев М. А. Предисловие Исайи как исторический источник : Размышления кодикологов // *Das Corpus des Dionysios Areopagites in der slavischen Übersetzung...* Т. 5. S. 57—59.